

АЛЕКС Д

ИМШАЦИЯ

НАСМЕШКА «КУПИДОНА»

Купидон

Алекс Д

Имитация. Насмешка Купидона

«Алекс Д.»

2021

Д А.

Имитация. Насмешка Купидона / А. Д — «Алекс Д.»,
2021 — (Купидон)

ISBN 978-5-5320-9647-9

Мечь, страсть, ненависть, интриги и любовь в криминальном закулисье преступных корпораций. Идеальная женщина – мечта или реальность, доступная для узкого круга владеющих секретом загадочного препарата "Купидон"? Способна ли волшебная таблетка сделать женщину по-настоящему счастливой, или для этого ей необходимо нечто совсем другое? И если ты держишь в своих руках тот самый секрет на миллион, сможешь ли устоять, чтобы не попробовать хотя бы раз?

ISBN 978-5-5320-9647-9

© Д А., 2021
© Алекс Д., 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алекс Д

Имитация. Насмешка Купидона

В создании обложки использовалось фото авторов: gina Bg и LightField Studios с сайта: <https://www.shutterstock>

«Он отказывается жить по правилам, установленным другими, – правилам, навязывающим ему на каждом шагу поражение. Конечная цель у него – все-таки войти в это общество, но сохраняя за собой известное могущество, ибо того, кто беззащитен, общество не защищает. А пока что он руководствуется своими собственными понятиями о нравственности, которые ставит гораздо выше узаконенных.»
М. Пьюзо «Крестный отец»

Пролог

- *Начинай действовать. Время на исходе.*
- *У меня нет уверенности, что твой план сработает.*
- *Ты помнишь правила?*
- *Слишком поздно. Надо было начинать раньше. Он сильнее, чем мы думали.*
- *Понятие силы абстрактно. Любого можно разрушить, каким бы сильным и несокрушимым он себя ни считал. Найти слабое место несложно, главное правильно расставить акценты и рассчитать удар. И поэтому я говорю: время пришло.*
- *Что нужно сделать?*
- *Не промахнуться, только и всего.*
- *А как насчёт моих условий?*
- *Одного условия. Я выполню его. Не сомневайся.*
- *Это будет больно.*
- *Значит крепись. Игра стоит свеч, не так ли?*
- *Зачем ты это делаешь?*
- *Ты узнаешь, когда все закончится. Ты узнаешь, когда все закончится, если не поймешь раньше. Но ты не поймешь.*
- *Месть?*
- *На самые страшные преступления нас толкает не месть, а чувство, куда более разрушительное – одиночество.*

Канарские острова. О. Тенерифе.

Звук вертолетной вертушки Элизабет Флойд услышала не сразу. Рассеянное сознание с трудом воспринимало внешние факторы и раздражители. Она подняла голову, только когда шум рассекающих воздух мощных лопастей стал оглушительным. Повернувшись, девушка с трудом встала на ноги, опираясь ладонями на стекло. Большой, стального цвета вертолет с красными полосками и надписями, оборудованный понтонами, сел прямо на воду на расстоянии пятидесяти метров от примыкающей к берегу небольшой прямоугольной пристани. Как замороженная, Элизабет Флойд отрешенно наблюдала, как железная огромная птица медленно приближается, разгоняя вокруг себя волны потоками воздуха, выпускаемыми вращающимися лопастями. Ее заторможенные реакции являлись последствиями шока и морального истощения. Она едва держалась на ногах, быстрое прерывистое дыхание срывалось с губ. Озноб не отступал, усиливаясь с каждой минутой, заставляя стучать зубы. Ее хлопковая майка и джинсовые шорты высохли за ночь, но она все равно чувствовала себя так, словно ее накрыло ледяной волной. Мысленно Элизабет все еще была там, в океане, беспомощно барахтаясь в воде и глядя, как огонь пожирает последние обломки яхты, черный дым, копоть, пепел...

Вертолет максимально подплыл к пристани. Металлическая дверь автоматически поднялась вверх, выпуская троих мужчин в непривычных этому району черных безупречных костюмах и закрытой кожаной обуви. Они стремительно направились к ступеням, ведущим наверх, к дому, замаскированному под обычную рыбацкую хижину, а внутри оборудованную по последнему слову техники. Элизабет видела, как они поднимаются: высокие, крепкие, излучающие опасность, уверенность, силу, но ничего не предпринимала. Да и что она могла сделать? Одна против троих мужчин. Их цель – убить или спасти – одно из двух. Жить гораздо проще, когда количество вариантов ограничено. Где-то под ногами рядом с пультом валялся пистолет, которым она умела пользоваться, но девушка не спешила наклоняться за оружием. Все казалось бессмысленным. Что может быть страшнее, чем взорвавшаяся на твоих глазах яхта с близкими людьми на борту?

Однако когда до дверей дома осталось десять или чуть больше ступеней, страх пришел, он обрушился на хозяйку дома лавиной, прошелся дрожью вдоль позвоночника, и оказалось, что умирать она еще не готова. Суровые сосредоточенные лица надвигающихся мужчин не внушали никакого доверия или надежды на то, что за ней явились спасатели. Да, у них не висели на плече автоматы, и незнакомцы не выглядели, как головорезы и беспредельщики, но опасность очень часто замаскирована под цивилизованными масками, облаченными в дорогие дизайнерские костюмы. Девушка почувствовала, как гулко и быстро забилося сердце в груди, вернулась ясность мысли и осознанность происходящего. Страх запустил мощный выброс адреналина в вены, наполнив тело энергией.

«Идиотка, чего ты стоишь!» – мысленно вlepила себе пощечину. Посмотрев вниз, на приближающихся незнакомцев, бегло оценила расстояние. Черт, времени мало. Элизабет подняла пульт, нажимая кнопку, запускающую механизм закрытия бронированных рольставней вдоль всего дома. Схватила пистолет, прячась за металлическую перегородку, отсекающую кухонную зону от гостиной. В помещении становилось темно, как ночью. Твердые шаги непрошенных гостей все ближе, громче. У самой двери. Она слышала, как пугающие уже только своим видом люди переговаривались вполголоса, но не разобрала ни слова. Возможно, кто-то из мужчин успеет пройти до того, как ставни закроются. С одним она справится. Ну или попытается. Почему бы не попалить напоследок? Она еще ни разу не стреляла в живую мишень. Только в нарисованную. Неужели пригодятся навыки, до этого момента считавшиеся бесполезными? Нервно усмехнувшись, девушка вспомнила, что не надела линзы, и вряд ли сможет попасть в цель, но попытаться стоит. Ей нечего терять, кроме собственной жизни. Стоило затаить дыхание, как стали слышны шум, скрежет и скрип со стороны входной двери. Элизабет проверила наличие патронов и двумя руками обхватила пистолет, не собираясь сдаваться без боя.

То, что внутри кто-то есть, она почувствовала по тому, как встали дыбом волоски на собственном затылке. Пришлось сильнее сжать оружие, вслушиваясь в каждый шорох в окутанном мраком доме. Свет включался либо пультом, либо хлопком в ладоши. Она аплодировать точно не собиралась. В темноте у нее больше шансов выстрелить первой, но гораздо меньше – попасть.

Первый шаг мужчина сделал спустя тридцать секунд, в течение которых Лиз вся покрылась холодным потом. Потом еще и еще один. Словно перепуганный зверек осторожно выглянула из-за перегородки и смогла разглядеть темный силуэт. Спряталась обратно. Врут, когда говорят, что в темноте все кошки серы. Они черные. У черного огромное количество оттенков цвета. Куда больше, чем у знаменитого серого. Если поразмыслить, то и сам серый является оттенком черного, его тусклой тенью. Черт, о чем она думает?

– Эби? – спокойный мягкий мужской голос разрезал тишину, едва не заставив девушку подпрыгнуть от неожиданности. Ха, так и повелась. Если вычислили, значит, все о ней знают. И имя в первую очередь. Придумай что-нибудь другое. Те, кому она доверяла, точно начали бы не с озвучивания очевидного факта.

– Не прячься, Эби. Тебе нечего бояться, – продолжил незнакомец. Приятный голос и в то же время твердый, уверенный. – Я получил твое сообщение. Я знаю, что ты здесь. Я приехал за тобой, чтобы увезти в безопасное место.

Девушка напряглась. Это уже ближе. Сообщение получили два человека. Доверенное лицо отца и Джером. Но ни тот, ни другой не были тем, кто говорил сейчас с ней.

– Эби?! Не прячься от меня, – снова позвал мужчина, делая еще несколько шагов. Девушка услышала его тяжелый вздох и потом... хлопок. Свет вспыхнул автоматически, ослепив Элизабет и вызвав волну паники. Она выскочила из своего укрытия и направила обоими руками пистолет на незнакомца с отчаянным воплем:

– Стоять, на хрен, мозги вышибу, – кажется, она слышала нечто подобное в фильмах. Звучало внушительно и пугающе.

– Эй, крошка, я без оружия!

Удивить удалось точно, поняла девушка по тому, как парень в костюме резко остановился, поднимая вверх руки ладонями вперед.

– Никакая я тебе не крошка, мудак, – рывкнула она свирепо, откидывая за спину густые волосы и глядя в синие глаза, наблюдающие за ней с серьезным сосредоточенным выражением. Не опуская пистолет, девушка сделала шаг назад, напряженно разглядывая незнакомца с поднятыми руками. Он выглядел молодо и чертовски привлекательно для киллера или наемника. Легкая щетина, правильные черты лица, красивые скулы, глаза, губы. Все красивое, даже стрижка. Выбритые виски, удлинённый вверх, уложенный с нарочитой небрежностью. Смущало только выражение лица: жесткое, не по возрасту суровое. И взгляд острый, тяжёлый, вызывающий внутреннее смятение и еще какое-то тревожное ощущение....

– Эби, – что-то мелькает в глазах незваного гостя, когда он снова делает шаг в ее сторону – усталость, боль, тоска с примесью все того уже удивления. И она застывает, не пытаясь и дальше махать пистолетом, угрожая расправой. Девичий взгляд мечется по мужскому лицу, по высокой спортивной фигуре, просматриваемой даже под строгим дорогим костюмом. Не во внешности, не в голосе, а скорее на уровне подсознания и инстинктов она ощущает нечто знакомое в стоящем напротив молодом парне с взрослыми уставшими глазами, и узнавание разрастается с каждой секундой, заставляя сердце сжиматься от надежды.

– Не на такую встречу я рассчитывал, сестренка, – произносит он, опуская левую руку и потирая подбородок правой. Ее взгляд устремляется к его пальцам, пистолет падает на пол, вывалившись из ослабевших ладоней, чудом не выстрелив при ударе. Несколько секунд она потрясённо смотрит на парня, а потом с разбегу бросается на шею, обнимая за плечи обеими руками.

– Никакая я тебе не сестренка, – со слезами на глазах бормочет девушка и, разразившись рыданиями, прячет лицо на каменной груди, уткнувшись носом в ямочку под горлом.

– Ты забыла добавить «мудак», – произносит он, одной рукой глядя ее содрогающуюся от всхлипываний спину, а другой утешающе водя по длинным черным волосам.

– От тебя пахнет сигаретами и морем, – затихнув, приглушенно бормочет она. Слезы облегчения насквозь промочили его пиджак и рубашку.

– Я летел над океаном и курил, – наклонив голову, Джером устало улыбается в ее волосы. Девушка поднимает голову, отстраняясь и все так же внимательно изучая его лицо. Он убирает спутанные волосы за ее маленькие ушки, проводит указательным пальцем по щеке, стирая стекающую слезу. Сердце ее сжимается от нового приступа боли, усилившейся стократно в безопасных крепких объятиях человека, которого она уже и не надеялась увидеть.

– Я чуть тебя не убила, – вздрогнув от собственных слов и их смысла, прошептала Лиз. В его глазах застывает гнетущее нечитаемое выражение. Он выглядит ожесточенным, озлобленным, полным внутренней ярости, сдерживаемой только присутствием девушки.

– Поверь, ты сделала бы мне одолжение, – тяжело вздохнув, произносит Джером, скользнув по ней беглым взглядом. Она снова прижимается щекой к промокшему пиджаку, слушая громкое и как ни странно успокаивающееся биение его сердца.

– Что происходит, Джерри? И когда это кончится? – задается она вопросом, хотя уверена, что у него нет на него ответа.

– Нам нужно уходить. Нет времени на разговоры. Дом заминирован? – он отстраняется, берет девушку за руку и ведет к дверям. Она согласно кивает:

– Да.

– Подними ставни. Ничего не бери, Эби. Только себя, – его губы изгибаются в улыбке, но взгляд остаётся серьезным и сосредоточенным. Джером останавливается возле заблокированного входа, наблюдая, как Лиз управляет с пультом.

– Меня зовут Элизабет Флорид, – сообщает она, поднимая голову и глядя в синие глаза.

– Я знаю, Эби. Пришло время и мне представиться... Меня зовут Джером Морган, – когда он произносит слово Морган, собственный рот кривится в пренебрежении.

– Я знаю, – она опускает длинные черные ресницы, влажные и тяжелые от слез. Комнату постепенно снова наполняет солнечный свет.

– Как много? – хмурится Джером, пристальнее всматриваясь в черты ее лица и крепче стискивая в пальцах хрупкое запястье. Она бросает на него задумчивый взгляд и отводит в сторону.

– Все, что знал отец, – едва слышно говорит Элизабет и отступает в сторону. Рольставни полностью поднимаются, и девушка толкает стеклянную дверь.

Они выходят из дома вместе. Снаружи их ждут молчаливые, brutальные и серьезные «люди в черном». Вблизи они вовсе не кажутся похожими. Один абсолютно лысый, огромный качок средних лет со шрамом вдоль виска и на нижней губе, другой более поджарый, с коротко стриженными волосами и проглядывающими татуировками на висках. Обоих суровых мужчин объединяет исключительно военная выправка и цепкий пронзительный взгляд. И черный костюм, разумеется. Кстати на Джероме все-таки не черный, а темно-графитовый и синяя рубашка под цвет глаз.

– Все в порядке? – спрашивает лысый. Джером коротко кивает.

– Уходим, – добавляет твердым тоном.

– Секунду, – Лиз поворачивается к дверям и набирает на сенсорном замке комбинацию цифр, потом к круглому датчику подносит кончик указательного пальца. – Все. У нас десять минут.

Когда скрытая между скал небольшая хижина с буро-красной черепицей взрывается, охваченная пламенем, и разлетается на обломки, вертолет уже находится высоко в небе. Снова черный дым и пепел. Элизабет вздрагивает, спрятав лицо на плече Джерома, и он мягко обнимает ее в ответ, не произнося ни слова утешения. Сидя рядом, рука в руке, они оба понимают, что в некоторые моменты слова не способны выразить то, что жжет в груди и рвет душу на части. В некоторые моменты молчание кажется священным и дарующим временную анестезию, действие которой скоро закончится, и тогда придет время разговоров, долгих, выматывающих и болезненных.

Беззвучные слезы снова потекли из-под зажмуренных век, но сейчас это были слезы облегчения. Ее жизнь разрушена и покрыта слоем пепла и черной пыли. И только время покажет, хватит ли у нее сил на новые испытания и сможет ли она смириться с понесёнными потерями.

Глава 1

«Бывают на свете люди, которые ходят и просят – прямо-таки требуют, – чтобы их убили... Люди этой породы топчут по земле, вопя: «Вот он я! Убейте меня!» И в желающих, как правило, нет недостатка. Мы каждый день читаем про это в газетах. Естественно, что люди этой породы приносят и другим много вреда.»

М. Пьюзо «Крестный отец»

4 дня назад

– Я хочу задать еще один вопрос. Далеко не последний, но очень часто всплывающий в последнее время. И рассчитываю на подробный и честный ответ.

– Все, что угодно, – согласно кивает Квентин.

– Расскажи мне об обстоятельствах роковой сделки Кертиса Моргана, ставшей причиной его задержания. Я рассчитываю на достоверную информацию, а не сухие факты, указанные в официальных источниках. *Расскажи мне о Купидоне, Квентин.*

– Откуда ты узнал о нем? – во взгляде Моро появилось колючее напряжение. – Это закрытая информация, Джером.

– Земля полнится слухами, Квентин. Несколько дней назад умерла одна из моих горничных, которая выполняла широкий спектр услуг. Когда-то она была подарена моему отцу и перешла мне по наследству. Удивительно, правда? Девушка упомянула Купидон перед смертью. И у меня есть подозрение, что она могла быть отравлена этим препаратом.

– Нет. Отравление невозможно. Не Купидоном. Скорее всего, она употребляла дешевый аналог, – сканируя меня пристальным взглядом, категорично возразил Моро. – А потом ей перестали его поставлять. Отказ от них вполне способен вызвать ряд побочных эффектов, включая летальный исход. Распространенные последствия: шизофрения, нервные расстройства, постепенный, либо резкий отказ всей системы жизнедеятельности.

– Я хочу все знать об этом препарате и о том, как он связан с моим отцом, – в ультимативной форме требую я, абсолютно не думая, что за человек стоит передо мной и насколько велико его влияние.

– Ты уверен, что хочешь знать? Что готов к правде? – в прозрачных глазах мужчины мелькнуло предупреждение, еще больше подхлестнувшее мою уверенность.

– На сто процентов, – твердо отвечаю я, и Моро тяжело втягивает носом влажный холодный воздух. Моя наглость и резкость не вызывают в нем неприятия. Он словно пропускает мимо все едкие пули, что я выпускаю. Квентин Моро не растрчивает зря ни свое время, ни свои эмоции. Если он здесь и говорит со мной, значит, это ему действительно нужно.

– Купидон имеет прямое отношение к твоему отцу, – недолго помолчав, отвечает он, опуская взгляд на могилу жены. – И к твоей матери тоже, – издает короткий шумный вздох. – Тебе, наверняка, известно, что многие экспериментальные препараты тестируют, проверяют, а потом вводят в оборот не совсем легальным способом? Я думаю, многие наши коллеги, конкуренты или партнёры точно так же обходят обязательные процедуры, если появляется такая возможность. В погоне за выгодой мы все очень сильно поспешили. На кону стояли большие прибыли, и мы рискнули, не до конца протестировав препарат, не изучив досконально свойства и побочные эффекты, на тот момент казавшиеся не такими уж и значительными. Разумеется, проблем с официальным оформлением не возникло, благодаря нескромному вознаграждению. Чтобы тебе было понятнее, о чем речь, я начну с истории, Джером, с самых истоков. История долгая, но захватывающая. И тебе лучше открыть свой зонтик. Ты промок насквозь.

Стерев с лица ледяные капли, я закрываюсь от потоков воды, изливающихся из серых тяжелых облаков, черным зонтом, но он уже вряд ли мне сильно поможет. Мое пальто пропиталось влагой и заметно потяжелело. В кожаных итальянских дизайнерских туфлях хлопает вода, но внешние факторы и раздражители меня сейчас мало волнуют. Я ждал этого момента долгие годы. Небо уже разверзлось. Не хватает только звуков реквиема.

– Мало кто знает, но до того, как попасть в криминальный бизнес, твой дед увлекался наукой. У него, кажется, даже была степень магистра в области биологии, но науке он предпочел криминальный бизнес. Кстати, эти знания пригодились, когда Даниэль Морган решил частично легализоваться и открыл первый завод, до сих пор называющийся «Медея Фарм». Именно твой дед являлся создателем Купидона в его первоначальном составе. Он был авантюристом, любящим риск, деньги, красивую жизнь, женщин и необычные места для отдыха. Однажды во время путешествия по Африке он прожил несколько недель в племени на Севере континента. В Америку вернулся воодушевленным и полным идей, впоследствии воплощенных в целый проект под названием «Купидон». Даниэль с группой специалистов видоизменял состав, пробуя добавлять новые ингредиенты, с целью удешевить препарат или разнообразить свойства, создавал аналоги, из которых можно было выпустить целую серию. Однако за год до своей гибели Даниэль прикрыл все исследования. А Кертис Морган, унаследовавший кресло отца, возобновил. Сложность заключалась в том, что чистый Купидон ориентирован исключительно на элитного потребителя. Состав уникален, и некоторые из растительных ингредиентов можно добыть только в Африке, причем в территориально ограниченной части и в определённые фазы цветения. Трудоемко, затратно, рискованно. Хранение, транспортировка, переработка также требуют ювелирных усилий. Именно по этой причине Кертис стал искать возможные дублиеры, организовал ряд экспедиций, нанял огромную команду экспертов, и в итоге после двух лет исследований был выведен более экономичный подвид Купидона. Искусственно созданный аналог был назван «Имитация», но его состав и свойства исключали возможность легального выпуска. И поэтому в продажу был запущен чистый, эксклюзивный и заоблачно дорогой «Купидон» под видом витаминного комплекса для женщин. Препарат действительно содержал огромный перечень необходимых женскому организму минеральных веществ и витаминов, помимо уникальных ингредиентов, за которые и выкладывались баснословные суммы. – Моро сделал паузу и прочистил горло. – А дешевые аналоги распространялись подпольно по той же схеме, что и наркотические вещества. Они поставлялись в бордели, ночные клубы и прочие места, в которых имелся спрос на особые свойства препарата.

– Что за свойства? – спрашиваю с некоторой нервозностью, испытывая острое желание закурить.

Я получал экономическое бизнес-образование и мало разбираюсь в фармацевтике, медицине, биологии и прочих далёких от моего понимания науках, но тон и выражение лица Моро наталкивают на самые худшие предположения. Мне очень хочется верить, что я не являюсь сыном создателя нового биологического оружия. Утрирую, конечно, но жизнь научила, что ничему нельзя удивляться или считать невозможным.

– Я начну с легальной серии Купидона, – продолжил Моро. – Первоначальный состав препарата во время исследований и тестов не выявил особо тяжелых побочных эффектов. После прекращения приема у шестидесяти процентов испытуемых были замечены депрессия, нервные расстройства, бессонница, легкие нарушения функционирования внутренних органов. Но спустя время состояние женщин стабилизировалось.

– Если было так, то почему его выпуск запретили? – задаюсь вполне логичным вопросом.

– Потому что были еще сорок процентов, Джером, – поясняет Моро. – В десять из них входили тяжелые случаи: самоубийства, острая шизофрения, потеря памяти, психические припадки, летальные исходы. Однако эти самые случаи всплыли уже после выхода на рынок. Во время тестирования цифры показывали не больше двух процентов. Причина сейчас уже

установлена. Она состоит в длительности приема. Курс больше десяти дней вызывает привыкание. Женщины просто не хотят возвращаться к прежней тусклой жизни, а мужчины не желают видеть рядом прежних тусклых жен и любовниц. Препарат просуществовал на легальном рынке полгода, и Медее пришлось выложить огромные средства, чтобы замаять скандал. Комплекс дорогостоящий, и позволить его себе могли только очень обеспеченные люди, а заставить их отозвать иск несколько дороже, чем заткнуть рот среднестатистическому потребителю. Нам повезло, что Купидон не распространялся через аптеки или другие центры продаж, а исключительно по внутренним каналам в виду его нескромной стоимости и особых свойств, а, как известно, с теми, кто находится в деле, договориться гораздо проще.

– Кстати, об особых свойствах ты до сих пор не сказал ни слова, – мрачно замечаю я, пытаюсь структурировать получаемую информацию и не потерять ни одной важной детали. Моро плотно стискивает челюсть, словно испытывая раздражение или злость, но спустя мгновение уголки его губ приподнимаются в искусственной улыбке.

– Сейчас я раскрою тебе коммерческую тайну, Джером. Подавляющее большинство покупателей «Купидона» и «Имитации» – мужчины, – в светло-серых глазах Моро мелькает возбужденное выражение.

– Почему? Препарат, кажется, для представительниц прекрасного пола, или я что-то путаю?

– Скажи мне, какой ты видишь идеальную женщину в свои двадцать четыре года? Перечисли первое, что взбредет в голову.

Я раздраженно передергиваю плечами. Пора переходить к конкретике, мне поднадоела эта игра в «догадайся сам».

– Это индивидуальный вопрос. У каждого мужчины свой образ идеальной спутницы, – неоднозначно отвечаю я.

– Давай, я попробую. Уберем критерии внешних предпочтений и немного обобщим. Красивая, стройная, умная, некапризная, ухоженная, веселая, энергичная, раскрепощенная и сексуальная, и, чуть было не забыл самое главное – покорная и управляемая, воспринимающая каждое твоё слово и желание, как великое благо для себя. А как часто ты встречал девушек, в которых объединялись все эти качества? Раз, может, два? А что с такой идеальной спутницей станет через пять, семь лет? Останется она такой же, беззаветно влюбленной, ослеплённой чувствами? Или начнутся претензии, обиды, головная боль и прочие неприятности? Или возьмем другой вариант. Вот ты видишь свое совершенство, но она явно не горит желанием ответить на твою страсть взаимностью? На что ты готов пойти, чтобы получить желаемое?

– Может, стоит пойти поискать совершенство в другом месте? – с напряженной улыбкой парирую я.

Станный получается разговор. Я стою тут насквозь промокший и окоченевший под проливным дождем, рассуждая с президентом «Медее» об идеальных женщинах напротив могилы моей биологической матери, которую я потерял девятнадцать лет назад. Звучит, да и выглядит, более чем безумно.

– А если есть более легкий выход? Что, если одна таблетка сможет заставить ее взглянуть на тебя другими глазами. На один вечер. А большего тебе возможно и не захочется, – улыбка кривит его тонкие губы, не касаясь глаз. И я не прочь переадресовать ему этот вопрос.

– Я предпочитаю, чтобы меня выбирали в трезвом уме и памяти, Квентин. Но не отрицаю, найдется много тех, кто воспользуется шансом, – лаконично отвечаю я, чтобы не задеть его принципы, которые, видимо, позволяют подменять реальные эмоции и чувства фальсификатом.

– Ты молод, Джером, – глубокомысленно изрекает Моро. – Жизнь длинная, и если случится так, что ты вдруг будешь одержим кем-то, кто сочтет тебя недостойным, то твои моральные принципы дадут сбой. Соблазн Купидона и его аналога – Имитации, состоит в том, что

любой мужчина способен на сутки или год стать божеством для конкретной женщины, или сделать богиню из той, что уже ему принадлежит.

– Фантастически звучит, если честно. Если ты сейчас о возбудителях, то их несложно достать. Зачем платить тысячи долларов за ... витамины? – скептически интересуюсь я, но Квентин явно не разделяет моей иронии. Похоже, он серьёзно уверен в том, что мой биологический отец создал уникальный препарат.

– *Купидон делает женщину счастливой в абсолютном смысле этого слова*, – Квентин растягивает тонкие бледные губы в невыразительной улыбке. – Он поддерживает ее гормональный фон в состоянии, которое бывает в период влюблённости, и женщина меняется. Эйфория, бешеная энергия, яркие цвета, мощные эмоции, отличное настроение, лёгкость и усиленное сексуальное влечение, и непередаваемые ощущения во время физической близости. Она парит, цветет, она жаждет любви и страсти. Кожа светится, волосы сияют, глаза горят. И у нее нет претензий и жалоб на этот мир, который ей кажется таким же совершенным, как и она сама. Идеальная женщина способна подарить массу удовольствий, и мужчины готовы платить за подобный эффект огромные деньги. Не прикладывая собственные усилия, не тратя время на ухаживания, подарки, знаки внимания. Ты должен понимать разницу между «Купидоном» и обычными возбудителями. *Выбирая «Купидон», потребители платят не за голый секс, а за возможность испытать вновь состояние счастья, влюбленности и безудержной страсти.*

– Но это же не настоящие ощущения – имитация, о чем в принципе и говорит название дешевого аналога, – возражаю я, тревожно нахмурившись. Предположения Ребекки Томпсон о волшебной таблетке, способной сделать ее счастливой и сексуально-озабоченной, сбываются.

– Через несколько лет тебя будет мало волновать настоящая страсть или нет, – склонив голову на бок и окинув меня ироничным взглядом, произносит Моро. – Ты просто будешь брать то, что хочешь, используя методы, которые можешь себе позволить. А теперь об Имитации, Джером. Аналог Купидона производился и производится до сих пор в частных подпольных лабораториях. И распространяется он точно так же, как другие запрещенные препараты, и в составе своем имеет синтетические наркотические вещества. Эффект от приёма Имитации очень схож с тем, что вызывает Купидон. Разница в побочных эффектах и сложности отвыкания от препарата, ну и в скорости наступления, и длительности эффекта. Длительный курс и того, и другого ведет к разрушению нервной системы и общему ухудшению здоровья. Но если редкий и дорогостоящий Купидон на протяжении нескольких лет подряд могут себе позволить единицы, то Имитация в этом плане более доступна и, к сожалению, более разрушительна. Названия «Имитация» на теневом рынке нет. И тот, и другой препарат считают Купидоном. О разнице между ними известно узкому кругу посвященных.

– Выходит, что после запрета на выпуск, чистый «Купидон» продолжили производить, но подпольно, как и его дешевый аналог? Но какой смысл? И для кого? Для «узкого круга посвященных»? – резко спрашиваю я. Моро утвердительно кивает. Ни малейшего проблеска смущения на лице. Для него чужие жизни и здоровье – просто гребаный бизнес.

– Это было личное решение Кертиса, – ответил он. – О том, что Морган открыл подпольную лабораторию, были в курсе только он и Логан. Никто бы и не узнал, если бы Кертиса не взяли во время передачи партии чистого Купидона покупателю. Президент корпорации «Медея» задержан с поличным за нелегальную продажу запрещенного препарата, некогда выпускаемого одним из фарм-заводов «Медеи». Ты только представь, какой мог быть скандал? Мы могли потерять все. Кертис подставил всех, когда пошел на поводу у своей жадности. – Моро поджал губы, гневно сверкнув глазами, и продолжил через пару секунд совершенно бесстрастным тоном. – Он получил срок, лабораторию закрыли. Однако заказы на Купидон сыпались один за другим. Повышенный спрос – это всегда взлет ценовой отметки. Новая лаборатория заработала уже через год и существует по сей день. Но, могу тебя заверить, репутация Медеи, даже если нелегальное производство накроют, окажется незапятнанной.

– А что с покупателем? – спрашиваю я, стараясь не думать сейчас о моральной и законной стороне вопроса. Одновременно проблемы подобного уровня все равно не решаются, и мои личные неприятия никак не помогут избавиться улицы от еще одного вида наркотика, созданного под крылом крупнейшей в стране фармацевтической корпорации.

– Он заключил сделку с полицией и прошел по делу как свидетель. А местонахождение пропавших миллионов неизвестно до сих пор.

– Какова роль Дайаны во всем этом? И почему на ее надгробии выгравирован Купидон? – продолжаю задавать четкие прямые вопросы.

– Твоя мать была идеальной женщиной, Джером, – вздыхает Квентин, и я уже снова предчувствую поток посторонней информации. Я знаю, какой женщиной была моя мать. И не хочу знакомиться с другим образом. – Да, я тогда думал точно так же, как и ты сегодня. И я нашел свое совершенство. Но поверь, если ты замечаешь, что твоя любимая совершенна, то заметит и кто-то еще и захочет забрать ее у тебя. Так случается, может случиться, если тебя не окажется рядом. Нельзя никому доверять, даже друзьям. Особенно друзьям.

– Это все высокие рассуждения, а мне нужна конкретика, Квентин, – сдержанно напоминаю я.

– Позволь мне порассуждать, моя жизнь подходит к концу. Я имею право немного пофилософствовать. Дайана была исключительно умной девушкой, и у нее имелись все предпосылки к тому, чтобы стать успешным ученым. Она получила образование в области биохимических наук. И еще во время обучения на магистратуре начала работать в одной из научно-исследовательских лабораторий Медеи в числе других экспертов. Молодая и амбициозная, красивая. Там мы с ней и познакомились, потом поженились. Дайана состояла в группе ученых по разработке злосчастного Купидона. Поверь, она была против ввода его в оборот, как и многие другие эксперты. Но у Кертиса было свое мнение. Его интересовала прибыль, ликвидность. А потом его заинтересовала моя жена. Когда он обратил внимание на смышлённую сотрудницу лаборатории, мы уже были женаты. После официального закрытия проекта «Купидон», Дайана ушла из Медеи. Она сказала, что там недостаточно размаха для ее научных притязаний. Но мне кажется, причиной стал Кертис Морган.

– Как она оказалась замешана в той сделке? – задаю следующий немаловажный вопрос, и Квентин морщится, словно съел что-то горькое. Выражение его глаз становится нечитаемым, отрешенным.

– У меня была длительная рабочая поездка в другой город. Дайана осталась одна. Я не знаю, что произошло, Джером. У меня нет ответа на этот вопрос. Я узнал, что Кертис задержали, когда находился на переговорах в другом штате. И уже по приезду узнал, что моя жена участвовала в сговоре с полицией, что она спала с ним, а потом сдала. Почему? Я до сих пор не знаю, Джером. То, что произошло, меня потрясло и опустошило. У нее я спросить ничего не мог, Дайана исчезла, попав под программу защиты свидетелей. А Кертис упорно молчал. Думаю, он словил кайф, наблюдая, как меня ломает. Я приходил к нему в тюрьму минимум раз в месяц, но сукин сын так ни о чем и не рассказал. Я думаю, он сделал это.

– Что именно?

– Использовал на ней Имитацию или Купидон. А потом она забеременела и испугалась, что я не прощу, что убью ее.

– Ты бы это сделал? – всматриваясь в резкие, словно вырезанные из камня, черты лица, спрашиваю я.

– А ты? Если бы узнал, что жена спит с твоим лучшим другом, что беременна от него? – ожесточенно дернув головой, переадресовывает вопрос Моро. М-да, не в лоб, а в глаз.

– Если Кертис использовал препарат, то Дайана была не виновата, – озвучиваю единственный ответ, который могу дать.

– Невиновные не сбегают, Джером, – сдвинув брови, напряженно отвечает Моро.

– Ты сомневаешься, возможно, этого она и боялась – что ей не поверят. Или Дайаной двигала месть. Кертис сказал мне, что взял ее силой. Что она не хотела и не любила его.

– Он сказал тебе? – нахмурившись, Квентин впился взглядом в мое лицо и заметно побледнел.

– Да, – кивнул я уверенно. – Думаю, она боялась тебя, не Морганов. Не понимаю, почему? Действительно, почему? Что заставило мою мать так поступить? Стыд? Страх? Или все-таки она была равнодушна к Моргану? Зачем тогда сдала?

– Нам уже не узнать, о чем думала Дайана, Джером, – словно прочитав мои мысли, произнес Моро, и теперь боль в его голосе прозвучала искренне, в уголках опущенных губ затаилась настоящая горечь. Цинично, но я не испытал ни малейшего сожаления либо сочувствия к этому человеку.

– *Вы создали препарат, который сыграл против вас, Квентин. Теперь ты сам не знаешь, что было имитацией на самом деле – чувства твоей жены к тебе или к Кертису Моргану.*

Моро вздрагивает, словно мои слова задели его за живое. Снова смотрит на надгробный камень с выражением глубокой скорби.

– Скажи, Джером, ты совсем не помнишь Дайану? Неужели ничего? Она не рассказывала тебе об отце? Обо мне? Или о чем-то еще?

– Нет. Ничего. Размытые образы. Глаза, волосы, ароматы, ощущение ее объятий. Возможно, это работа подсознания, а не настоящие воспоминания. Но я помню, что любил ее. Очень сильно любил.

– И я любил ее, Джером, – с горечью произносит Моро, но что-то в его интонации заставляет меня усомниться в искренности произнесенных слов.

– И что теперь? – спрашиваю я.

– Ты вернешься в Сент-Луис и будешь дальше работать. Постарайся сделать так, чтобы Логан не смог дискредитировать тебя или добраться до каких-то твоих слабостей. Тщательно следи за ближним кругом. Приятели, любовницы, коллеги. Будь предельно осторожен. Усилить охрану в доме, в офисе. Заменяй шофера, пилота, повара, прачку, кухарку, всех, с кем установлен стабильный контакт. На тебя должны работать настоящие профессионалы, дорогие, но надежные. Выбирай людей, которым важна репутация, а не деньги. Это легко проверить. Пока ты неплохо справлялся. Продолжай в том же духе.

– А Логан?

– Мы устроим ему сюрприз в день твоего двадцатипятилетия. Сюрприз, от которого он не сможет оправиться, – со зловещим блеском в глазах ухмыляется Моро.

– Я войду в правление? – решаю прояснить еще один важный для меня момент. Квентин снисходительно скользит по мне внимательным изучающим взглядом.

– Не сразу, – после небольшой паузы отвечает он. – Ты будешь изучать многочисленные направления, принципы работы и другие важные факторы. Это может занять годы, которых у меня нет. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы сократить этап обучения, – Моро окидывает меня внимательным взглядом.

– Сейчас я оставлю тебя одного, Джером. Подумай обо всем, что я сказал. Как только будешь готов, вертолёт доставит тебя в Сент-Луис.

– Спасибо, Квентин. Я ценю твою откровенность, – благодарю вежливым тоном.

– У моей откровенности есть цена, Джером, – сухо отзывается Моро. – Та информация, которой ты теперь владеешь, может стоить тебе жизни. Будь осторожен, принимая решения. И, разумеется, все, о чем мы говорили, не предназначено для обсуждения с кем-либо еще, включая членов семьи. И еще, Джером. Насчет Зака Морганов. Он не так глуп, как хочет показаться, и вполне способен вести двойную игру.

– Я это понимаю, Квентин. Но спасибо за предупреждение. За оба предупреждения.

После ухода Моро я простоял на могиле Даши Ветровой – моей потерянной матери, и Дайаны Моро – потерянной жены Квентина, еще много минут, сплетающихся в бесконечные часы тяжелых размышлений, светлых и страшных воспоминаний. Я не мог заставить себя уйти, упустить снова неуловимую связь, которую почувствовал здесь, глядя на ее имя на неживом, холодном и равнодушном камне. Пару часов назад моя душа скорбела по Эмме Спенсер, и вот я здесь, и нет ничего мучительнее осознания, что мои поиски закончены. Дайана или Дарья... там, в вечном холоде, одинокая, непонятая. И она забрала с собой свои тайны, боль и горе. Мне никогда не узнать, зачем моя мать хотела вернуться в Америку, понимая, какой опасности себя подвергает. И что стало причиной ее участия в сговоре с полицией. Кого любила на самом деле моя мать, а от кого хотела сбежать. Я знаю, она пыталась спасти меня в тот самый последний роковой день своей жизни. Но ее саму защитить было некому. Никого не оказалось рядом.

И все-таки Дайана Моро вернулась домой. Не думал, что мы встретимся вот так, сегодня. Я убираю зонт, снова позволяя холодным ручьям стекать по моему лицу. Она просила меня ждать, и пятилетний ребенок запомнил ее слова, он ждал часами, ночами, неделями и месяцами. Он научился ждать так, как никто другой. Ему пришлось ждать снова... спустя двенадцать лет. Кошмар повторился. Теперь я точно знаю виновных, но сил для ожидания и вынашивания возмездия больше не осталось. Присев на корточки, я кладу правую руку на ледяное надгробие, скольжу пальцами вдоль надписи и выгравированного Бога любви, играющего в этой истории противоположное разрушительное значение. Его стрелы достигали цели, но в пронзенные сердца вместе с острием входила не любовь, а лишь временная имитация плотской страсти. Зачем Квентин оставил напоминание, выбрав для гравировки Купидона? Наказание для себя? Или для нее?

С волос и носа капает вода, пальцы покраснели от холода, и на какой-то момент я вспоминаю ощущение ее ладони на своей щеке, теплое, нежное. И словно чувствую его снова. Прикрываю глаза, чтобы продлить иллюзию. Девятнадцать лет назад, когда я замерзал у сарая, заблудившийся и напуганный, я тоже ее услышал. Это невозможно забыть, тихий, льющийся, как горный ручеек, мелодичный голос. Он утешал, нес облегчение, покой, он согревал. Я мог уйти с ней... Все закончилось бы уже тогда. Но раз я выжил, значит, у меня совершенно другая судьба. И думаю, что я правильно понял ее замысел.

Я никогда не задумывался, почему нам так важно иметь место для скорби, ставить памятники, закапывать гробы, вместо того, чтобы развеивать по ветру пепел ушедших близких в самых удивительных и красивых местах планеты. В моих воспоминаниях Дайана была живой, она спаслась, скрылась, снова сменила имя и путешествовала по миру все такая же молодая и прекрасная. Я знал, что ее больше нет, но моя память и разум отрицали это, они цеплялись за вероятность, за иллюзию. Мы хороним своих близких, чтобы не надеяться на то, что они вернуться, чтобы отпустить их, смириться с потерей.

Но смирение – совершенно не то, что я чувствую, опускаясь коленями на мокрую газонную траву. Я разбит, оглушен свалившимися на меня открытиями, правдой, которую так долго искал, ответами, которые наконец-то получил. Рой мыслей нарастает, кружит в голове, бьет набатом, принося физические страдания. Я поднимаюсь на ноги и, бросив последний полуслепой взгляд на надгробие, бреду к выходу с кладбища. Меня шатает, как пьяного, я не разбираю дороги. И ни о чем не способен думать. Мне требуется перезагрузка, чтобы не свихнуться.

У меня есть несколько вариантов куда пойти, чтобы или залить свое горе, или сбежать от него, или осмыслить в одиночестве все, что я узнал от Моро, или забыться в работе, или найти утешение в обжигающих объятиях Фей, или же просто побыть в одиночестве. И для воплощения каждого варианта у меня есть дом Дракулы, офис, уютная квартирка мисс Уокер, есть пентхаус. И имеется в запасе время на выбор, пока вертолет, рассекая воздух и чернеющие тяжелые облака, доставляет меня обратно в Сент-Луис. Гребаный мобильный звонит, когда

я почти принял решение и даже открыл рот, чтобы озвучить его Брекстону, прибывшему к воротам городского кладбища на моем автомобиле. Моро четко следует своим обещаниям – откуда забрал туда и доставил.

– Да, – рявкаю со свирепостью, удивившей даже меня. Рони оглядывается на меня, и я отрицательно качаю головой, давая понять, что все нормально.

– У кого-то дерьмовое настроение? – отзывается на том конце не менее раздраженный голос Зака Моргана. – Сейчас я испорчу его еще больше.

– Говори, – приказываю я.

– Ты не охренел, Джером? – почти рычит он мне в ответ.

– Или говори, или я вешаю трубку, – констатирую категоричным тоном.

– Попрошайся с полутора миллионами, кузен. Наш несостоявшийся осведомитель сегодня задохнулся выхлопными газами в собственной машине в гараже своего дома.

– Что, бл*дь? Ты прикалываешься? – сжимаю айфон до хруста.

– Я похож на того, кто шутит подобными вещами? – огрызнулся Зак. – Я тебе сообщил, а дальше уже смотри сам. Я умываю руки.

– Кому ты проболтался, Зак?

– Иди на хрен, – резко отвечает Морган. – Я сделал тебе одолжение. И я предупреждал, что твоя затея может обернуться полным дерьмом. Так и вышло.

И прежде, чем я успеваю сказать хоть слово, связь прерывается. Сукин сын сбросил вызов.

– Проблемы, босс? – вопросительно глядя на меня в зеркало, спрашивает Рони Брекстон.

– Похоже на то, приятель, – выдохнув, киваю я. – Мне нужно усилить охрану, Рони. У тебя есть проверенные парни? Желательно с боевым опытом и в хорошей физической форме.

– Конечно, босс, – утвердительно кивает Брекстон. – Сколько человек необходимо?

– Пять. Это минимум. Работать придется круглосуточно. Два днем, два ночью, один на подмене и ты как обычно. Но Рони, мне нужны люди, которым ты с лёгкостью доверил бы собственную жизнь, а не только мою.

– Без проблем, босс.

– И желательно сделать так, чтобы я их не видел.

– Как пожелаете, босс.

– Джером, Рони. Называй меня по имени.

– Я понял, босс.

Я качаю головой, понимая, что этого парня сложно переделать. Грубоватый и прямой, и негибачный, как шпала. Фигура боксера, сломанный нос, резкие неправильные черты лица, устрашающий взгляд, и огромные плечи, едва помещающиеся на водительском сиденье. Брекстон мог закончить свои дни прикованным к койке, но даже когда я впервые увидел его с пробитым позвоночником и застрявшей пулей в голове, он выглядел точно так же, как сейчас. Брекстон не из тех, кто позволит жизни поиметь его. Если бы я не оплатил его операции, то засранец поимел бы гребаную жизнь, сведя с ней счёты. И это не было бы слабостью с его стороны.

– У тебя есть сигарета? – спрашиваю бесцветным тоном, проводя ладонью по влажным волосам. В салоне работает обогрев, но мало спасает от начинающегося озноба. – И виски?

– Сигарета есть, босс. А виски... я как бы не пью. Нельзя мне.

– Я тебе и не предлагаю, – раздраженно отзываюсь я и беру протянутую сигарету и зажигалку. Открываю окно и делаю глубокую затяжку.

– Я бы вам не советовал.

– Иди к черту. Мои легкие.

– Я про окно, – и он автоматически поднимает стекло с моей стороны не спрашивая. Это его работа. Не поспоришь. – Куда едем, босс?

– Пентхаус, – коротко отвечаю я. Автомобиль оживает и плавно выезжает на трассу. А я набираю номер Эверетта. Он отвечает после трех гудков. Спокойный сдержанный голос. Я облегченно выдыхаю.

– Я отменяю последнее задание, Грант, – коротко сообщаю я.

– Как скажешь, Джером. Вопрос больше не актуален? – сдержанно интересуется он. Еще один профессионал до мозга костей. Никогда не будет лезть в то, о чем его не просили. И я ценю это качество в людях.

– Да, я узнал ответ, – отвечаю я.

– Хорошо. Я на связи.

– Спасибо, Грант.

Сбросив вызов, откидываюсь назад. Логан облажался. Он может и дальше охранять свои секреты, уничтожая каждого, кто к ним подойдет. Мне похер. Я знаю все, что мне нужно. Мрачно ухмыляюсь, глядя на летящие навстречу огни.

– Какие планы завтра, босс? Полярис или Бионик? – подает голос Рони. Если бы я знал... Машинально открываю почту, чтобы найти составленное три дня назад недельное расписание. Моя память сегодня не работает, нуждаясь в подсказках.

– Бионик, – отвечаю, всматриваясь в ежедневник на экране и потирая переносицу. – Черт, голова совсем не работает, – скидываю пепел в выдвижной отсек и поднимаю голову. – В винный супермаркет заскочим? По-моему, у меня в баре ничего нет. Пора пополнить запасы. Завтра рано не приезжай. Опоздаю немного. В десять совещание.

– Хорошо, босс.

Оказавшись в квартире, не раздеваясь направляюсь в ванную комнату, прихватив с собой бутылку виски. Включив горячую воду, скидываю в гору мокрую одежду. Погружаюсь в обжигающее тепло, откупоривая пробку зубами, и вдыхаю влажный пар, поднимающийся над ванной. Плохая идея, признаю. Но воспаление легких как-то совсем не входит в мои планы. С похмельем я справлюсь. Аспирин и апельсиновый сок в помощь. Я редко позволяю себе злоупотреблять алкоголем, но сегодня особый случай. Иногда, чтобы привести мысли в порядок, их требуется как следует потряхивать, повергнуть в шоковое состояние, заставить работать нешаблонно. Измененное состояние сознания порой способно дать ответы на вопросы гораздо быстрее, чем трезвый разум.

Глотаю виски прямо из бутылки, прокручивая в голове весь безумный день, каждое слово, сказанное Квентином Моро, каждую приоткрывшуюся тайну, спрятанную от меня за семью печатями. Я не уверен, что действующий президент Медеи выдал мне полную версию истории. Люди, подобные ему, никогда не говорят всей правды, оставляя про запас самые интересные детали. Но основную суть я уяснил. Мотивы Квентина выглядят убедительно, однако это не значит, что я слепо доверюсь ему. Нет. Мне нужно время, чтобы понять, насколько он откровенен и по-настоящему заинтересован в том, что предлагает.

Слов мало. Мне нужны конкретные действия с его стороны. Я ничего не теряю, принимая его помощь и покровительство. А приобрести могу то, о чем даже и не мечтал. Однако моей благодарностью за его щедрость будет вовсе не то, на что он рассчитывает. К тому же ответ на вопрос – почему я, так и остался открытым. Я не поверил в его объяснения. Смертельная болезнь, отсутствие наследника, сын любимой женщины – одна сторона медали. Но есть и другая – практически юнец, без достаточного опыта, сын заклятого друга. И в его прощение над гробом Кертиса Моргана я не верю. Такие поступки не забываются, никакая смерть не сгладит то, что он сделал. Я не простил. И Моро тоже не похож на святого. Им движет что-то еще. Со временем я узнаю, что именно.

Глава 2

– Фей... – бормочу сонно, притягивая к себе теплое обнажённое тело, зарываясь лицом в белокурые ароматные волосы. Они пахнут свежестью, лаймом, апельсином и мятой. Моя ладонь покоится на упругой груди, соблазнительная попка вжата в мой, не подающий признаков жизни пах. О, черт, неужели это случилось? Впервые не чувствую ни малейшего волнения в объятиях Фей Уокер. Долбанный виски. Сколько я выпил вчера? Моя ладонь находит ее грудь, мягко сжимаю, и снова... ничего. Мне нужен душ, зубная паста, пара стаканов апельсинового сока и пачка аспирина. Головная боль и тошнота накатывают волнообразными приступами. Глухо застонав, я снова зарываю лицо в волосах Фей, бормоча ее имя.

Стоп... Откуда в моей постели взялась голая Фей?

Мгновенно проснувшись, приподнимаю голову, пытаюсь установить свое местоположение. Обстановка до боли знакомая и обыденная. Все правильно. Я в своей спальне. И рядом безмятежно раскинувшись в своей естественной красоте сном младенца спит Фей, а не случайная вызванная шлюха. И ни малейшего намека в моей памяти, откуда она взялась. Пошарив ладонью на прикроватной тумбочке, нахожу там свой телефон.

Шесть утра. Отлично. Хорошо, что не проспал. Проверяю исходящие. Я звонил Фей трижды в период с часу ночи до половины второго. Видимо, малышка не выдержала и приехала. Вспомнить бы, о чем мы говорили, и что, вообще, происходило в тот промежуток времени, который мой мозг не счел нужным сохранить.

Осторожно выбираюсь из постели, чтобы не разбудить белокурого ангела, и в чем мать родила шлепаю на кухню. стакан воды и две таблетки аспирина, холодный душ. Взгляд скептически цепляется за отражение в зеркале, показывающее мне весьма помятую физиономию с двухдневной щетиной. Не уверен, что запасов физической энергии хватит на борьбу с растительностью на лице. Зубная щетка дрожит в руках, и, скорее всего, не стоит рисковать здоровьем и браться за бритву. Закончив с гигиеническими процедурами, выхожу из ванной комнаты и с удивлением вдыхаю аромат свежесваренного кофе. Боги, эта девушка и правда фея.

Я нахожу ночную гостью на кухне. Она «колдует» над плитой, одетая в мою рубашку с закатанными рукавами. Светлые волосы в беспорядке струятся по плечам, стройные ножки выставлены на мое обозрение во всей своей красе. Она умопомрачительно выглядит, а я чувствую себя... хреново – слишком мягкое выражение, не отражающее широкого спектра ощущений. Фей делает тосты, и, судя по аромату, яичницу с беконом, но это не тот завтрак, который способен принять мой желудок после неизвестного количества алкоголя, выпитого накануне.

– Не стоило беспокоиться. Просто кофе для меня достаточно, – бормочу я, с мученическим вздохом опускаясь на стул. Она разворачивается, и мне сложно понять, злится на меня Фей или сочувствует. Ее взгляд задумчиво изучает мое лицо.

– А кто сказал, что завтрак для тебя? – вскинув бровь, насмешливо спрашивает девушка и ставит передо мной кружку с кофе. – Мне подкрепиться после такой ночи точно не помешает.

Ее слова «такой ночи» вызывают во мне смутные подозрения. Я пристально всматриваюсь в черты ее лица, потом опускаюсь ниже, замечая несколько темнеющих следов от слишком страстных поцелуев на шее. Когда мой взгляд забирается в вырез собственной рубашки, надетой на Фей, я снова чувствую, как во рту пересыхает, но на этот раз причина не похмелье – смущение, недоумение. И когда я смотрю на хрупкие девичьи запястья с проступающими красными полосами – стыд, потрясение.

– Это я сделал? – хрипло спрашиваю я, глядя в бирюзовые глаза, вззирающие на меня с холодным любопытством.

– А ты видишь тут кого-то еще? – она демонстративно фыркает и ставит на стол тарелку с тостами и жареными яйцами, и только потом садится. – Ничего не помнишь? – с наигранным равнодушием спрашивает Фей, продолжая измываться надо мной. Я отрицательно качаю головой и подавленно молчу.

– А вчера был таким разговорчивым, – ехидно замечает она, намазывая тост джемом и откусывая кусок. Нежные, манящие губы выглядят припухшими. Черт, я же не мог? Или мог? – И как звонил, не помнишь?

Я снова отрицательно киваю, наблюдая за тем, как она жует свой тост и пьет кофе, рассматривая меня с возрастающим удивлением.

– Первый раз, когда ты позвонил и заплетающимся голосом приказал мне прийти, не попросил, а именно приказал, я тебя послала. Второй раз произошло то же самое. А в третий я поняла, что ты не помнишь о предыдущих двух и тебе действительно нужна компания. К тому же мы три дня не виделись. Я скучала, несмотря на то, что ты бросил меня сразу после возвращения из Лос-Анджелеса и больше не появлялся, – с укоризной произносит она.

– Я не бросал тебя, Фей. Я же говорил, что у меня работа, – пытаюсь оправдаться и практически не лгу.

– У меня тоже работа, Джером. Все работоспособное население мира занято зарабатыванием денег, в той или иной степени. Но твоя «работа» намного важнее моей или чьей-то еще. Ты так считаешь?

– Меня не было в городе, – говорю чистую правду, но Фей, скептически ухмыльнувшись, явно придерживается другого мнения.

– О, да, и о том, где ты был, я сделала собственные выводы. Когда я пришла, ты разгуливал по квартире голый с бутылкой виски в руках. Еще одну пустую я нашла в ванной. И знаешь, что ты мне сказал? Угадаешь? Самую первую фразу, которую я услышала, переступив порог твоей квартиры?

– Понятия не имею, – честно выдыхаю я, потянувшись к пачке с сигаретами.

– Ты ни слова не сказал, Джером, – сине-зеленые глаза яростно сверкают. Фей позволяет мне увидеть эмоции, которые испытывает, и, черт, я налажал по-крупному. – Затолкал меня в спальню и швырнул на кровать, как какую-то одноразовую проститутку. Потом раздел и связал мои запястья. Своим галстуком. Романтично? Интересно, в какой порнушке ты это подсмотрел? Или твои другие пассии испытывают склонность к подобного рода вещам?

– Нет никаких других... – отрешенно бормочу я, проводя пальцами по волосам. Что происходит, а?

– Не ври мне, – разъяренно восклицает Фей, и я покорно замолкаю, понимая, что с разгневанной женщиной лучше не спорить. Откинувшись на спинку стула, Фей закидывает ногу на ногу, позволяя увидеть в разошедшихся полах рубашки следы «засосов» и на бедрах тоже. – Ты очень старался, но ничего не вышло, – сообщает она.

– Ничего не было?

– Нет, но ты не хотел сдаваться. Только, видимо, в каком-то другом месте ты успел постараться сильнее. И явно не со мной.

– Фей... – меня охватывает мучительно раскаяние, хотя я и не помню за что.

– Не надо притворяться хорошим мальчиком, Джером, – раздраженно затыкает меня оскорбленная и обиженная Фей. – Ты никогда им не был. Не думай, что я такая идиотка, которая ничего не замечает. Женщина всегда знает, когда у ее любовника есть кто-то еще. Инстинкт срабатывает не только у самцов. Мы тоже чувствуем, когда посягают на нашу территорию. Чего тебе не хватает, Джером? Именно об этом я спрашивала в отеле в Лос-Анджелесе, но ты разозлился. Если бы все было в порядке, я бы не чувствовала каждый раз, когда ты появляешься, запах других женщин на тебе. Разумеется, я утрирую. Уверена, что ты старательно уничтожаешь улики.

– В чем конкретно ты меня обвиняешь? – я делаю глоток кофе, прищурился глаза. – Или чего ты хочешь?

– Понять, какое место я занимаю в твоей жизни! Если ты возомнил, что имеешь право вести себя подобным образом, то нам не по пути, Джером. Можешь забрать свою квартиру, машину и все подарки обратно. Мне ничего от тебя не нужно. Никаких подачек, связей и протекции. Я уволюсь с работы и вернусь в Чикаго.

– А там тебя ждет что-то другое? – чувство вины очень быстро трансформируется в растущее раздражение. Женская истерика – это не то, в чем я нуждаюсь сейчас. – Или то, как ты жила раньше, хуже, чем то, что я предлагаю тебе сейчас?

– То, как я жила раньше, не ранило мои чувства. Я его не любила! – восклицает Фей в сердцах.

Я медленно встаю, обхожу стол, не разрывая напряженного зрительного контакта. Фей хмурится, когда я мягко убираю локон за ее ухо, провожу большим пальцем по влажным губам.

– Ты его не любила, – повторяю я ее слова. – Ты спала с ним за деньги. Значит, ты шлюха, Фей. Откуда мне знать, что сейчас ты не делаешь то же самое?

Она с рычанием набрасывается на меня. Пара пощечин, и в ход идут кулаки, она бьет меня по груди, плечам, целится в лицо, но я уворачиваюсь, блокируя удары и стараясь не причинить ей физического вреда. Скрутив немного травмированные запястья за спиной одной рукой, я с силой усаживаю Фей себе на колени и, удерживая подбородок, заставляю смотреть на себя.

– Чего ты хочешь, Фей? – шумно дыша, яростно спрашиваю я. Она продолжает безуспешно дёргаться, пытаюсь обводиться. – Деньги, подарки, внимание, любовь, верность, брак? Выбрать можно что-то одно. Подумай хорошо, прежде чем ответить.

– Тебя! – с гневом шипит девушка, глаза ее обжигают силой негодования и возмущения.

– Я у тебя есть, мать твою, – отвечаю, повышая голос. – Какого хрена ты недовольна? Дай мне время, черт бы тебя побрал. Я же говорил, что пока не могу предложить что-то большее.

– Если ты хочешь защитить меня, то ты знаешь, как это можно сделать, – сверля меня неистовым взглядом, заявляет мисс Уокер.

– И как же?

– Женись на мне, – требует Фей. Она обезумела?

– Нет, – рявкаю я, и Фей окончательно слетает с катушек.

– Нет? – кричит взбешенная девушка. – Почему, черт побери? Из-за Зака? Ты никогда мне его не простишь?

– Мне не за что прощать тебя, Фей. Я не могу жениться сейчас. Не лучший момент для разговора на эту тему. Мы слишком молоды. Оба, – поясняю свою позицию миролюбивым тоном, но Фей не слышит. Она рычит, пытаюсь вырваться, и я с силой удерживаю ее на своих коленях.

– Заткнись. Не унижай меня еще сильнее. Я ухожу, – дернувшись, выкрикивает она.

– Фей, – мягко произношу я, крепко сжимая в объятиях. – Пожалуйста, подожди полгода, и мы снова поговорим обо всем. Я тебя люблю, ты же знаешь.

– Нет, не любишь, – отрицательно качает головой Фей. – Тебе нравится так думать. Я для тебя напоминание, яркое, счастливое, красочное.

– Это не так, – возражаю я. Фей насмешливо сморит на меня из-под опущенных ресниц.

– Это так. Мне больно осознавать, насколько это так. Ничего не получается. Ты же видишь. Я не могу играть роль послушной игрушки для утех. Ты разбиваешь мое сердце каждый раз, когда прикасаешься к другим.

– Да с чего ты взяла? – я теряю терпение. Никогда бы не подумал, что она такая истеричка.

– Брось. Я не конченная дура. Я, правда, пыталась. Молчала. Улыбалась. Была идеальной любовницей, без претензий и лишних вопросов. Но больше не буду. Найди на эту роль другую идиотку.

– Я не хочу другую, Фей. Я хочу тебя, – ласково шепчу я, настойчивее прижимая глупышку к своей груди.

– И меня ты тоже больше не хочешь, – горько бросает она. Хочет добавить что-то еще, но я запечатываю несущий всякую ерунду рот своим, пытаюсь доказать, насколько сильно она ошибается.

Гнев и похоть всегда идут рядом и частенько являются продолжениями друг друга. Я резко сажаю Фей на стол и широко развожу ее стройные ноги, не замечая падающей на пол посуды. Сорванная рубашка летит в груды осколков и разбрызганных остатков кофе. И пока Фей пытается вытолкнуть мой язык из своего рта, спустив штаны, я вбиваюсь между раздвинутых бедер. Она хватается за мои волосы, пытаясь оттянуть голову назад, потом впивается в плечи, оставляя глубокие царапины. Я отпускаю ее губы, опрокидывая на столешницу. Нежная кожа Фей покрыта румянцем, твердые соски выдают истинное состояние своей обладательницы. Развожу ее ноги шире и, подсунув ладони под упругую попку, тяну на себя, полностью управляя ритмом глубоких и мощных толчков. Через пару минут ее ноги на моих плечах, и она кричит, но уже не от гнева и обиды, а я смотрю на запрокинутое лицо, на отчаянно хватающие воздух полные губы, на трепещущие ресницы, нежную ямочку горла и вздымающуюся грудь, наполняя ее с яростной одержимостью.

Аспирин творит чудеса, мать вашу. От утренней апатии не осталось и следа. Мои бешеные толчки раскачивают ее тело и стол под нами в диком языческом танце первобытной похоти. Я ощущаю, как острое наслаждение пронизывает все мышцы, приятное тянущее тепло спускается по позвоночнику, охватывая поясницу, подводя меня к ослепительному освобождению с каждым новым ударом наших тел. Протянув руку, я проталкиваю между ее пересохших губ большой палец, и она облизывает его, прежде чем втянуть внутрь. Наши глаза встречаются в немом поединке. Я вижу, как рождается первая волна экстаза в расширившихся зрачках. В следующее мгновение она содрогается всем телом, и с гортанным стоном я следую за ней.

– Одну проблему можно вычеркнуть из списка. Ты на первом месте в таблице желаний, – бормочу я, задыхаясь и глядя ладонями любимое расслабившееся тело. Затихающее удовольствие приносит ощущение расслабленности.

– Готов озвучить весь список? – спрашивает Фей, сдвигая ноги и отталкивая меня. Я не позволяю ей ускользнуть, беру на руки и волоку в душ, где обоих нас привожу в порядок. Я долго и нежно целую ее под горячими струями воды. Шепчу слова утешения или оправдания, и они действуют. Ощущаю, как моя дьяволица постепенно оттаивает, расслабляется, обнимая меня в ответ, отвечая на мои ласки. Тонкие пальцы нежно скользят по моей спине, губы мягко повторяют контуры грудных мышц, медленно движутся вниз по напряженному прессу. Она опускается на колени и обхватывает мой член губами. Помогая языком и пальцами, она доводит меня до оргазма в считанные минуты и не выпускает. Против ее нежного горла я бессилен, бестия знает, как заставить мужчину рычать от удовольствия. Пока последняя капля моего наслаждения не остается на умелом языке, Фей не позволяет мне отстраниться, да я и не хочу. Если все истерики этой выдумщицы будут заканчиваться так, я готов с ними мириться.

Потом мы вместе наводим порядок на кухне и снова пьем кофе. Горячий, ароматный. Оба притихшие, насытившиеся. Фей выглядит смущенной и все еще немного обиженной. Я накрываю ее руку своей, мягко сжимаю пальцами.

– Вчера был день рождения Эммы Спенсер, – произношу едва слышно. – Был бы, будь она жива. Причина моего состояния, которое показалось тебе подозрительным, скрыта на самом деле в другом. Я был на кладбище, потом напился и потерял контроль. Прости меня.

– Я не знала. Теперь мне стыдно, – выдыхает Фей, глядя блестящими от подступивших слез глазами. – Ты должен был сказать. Я бы все поняла.

– Да, я знаю. Давай не будем больше спорить. Ты единственная женщина, имеющая для меня значение, – искренне признаюсь я. Она шумно вздыхает, закусывая губу.

– Ты уверен, Джером?

– Абсолютно.

Фей долгим испытывающим взглядом смотрит в мои глаза. Мне кажется, что я слышу, как она думает. Фей не верит мне, и я не осуждаю ее. Я сам себе не верю в эту минуту. Мой мозг отказывается найти правильный выход, который устроил бы нас обоих.

– Мне нужно время, Фей, – произношу я, чувствуя себя совершенно опустошенным. Какого черта я, вообще, ей позвонил?

– Я должна кое-что сказать. Вчера хотела, но ты был... не в том состоянии, чтобы слушать, – отводя взгляд, произносит Фей. Она выглядит еще более измученной, чем я.

– Говори, – киваю, предчувствуя очередную глыбу нерешаемых проблем.

– Твоя личная помощница... – нерешительно начинает она. – Кайли Грэм. На том приеме мы обменялись с ней телефонами. И иногда созванивались.

– На кой хрен? – напряженно спрашиваю я. Виски снова сдавливая сверлящая боль. – Что, бл*дь, за кружок по обмену опытом?

– Не начинай, пожалуйста, – сдержанно просит меня Фей. – Ничего такого мы не обсуждали. Она просила меня помочь ей с гардеробом, и мы вроде неплохо поладили. Но вчера она звонила в невменяемом состоянии. У нее что-то случилось.

– У нее случился Зак Морган, – яростно отрезаю я. – Надеюсь, ты дала ей правильный совет? Уносить от него ноги до того, как ублюдок сломает ей жизнь?

– Я ничего не успела ей сказать. Кайли повесила трубку. Я просто волнуюсь, и если с ней все хорошо, и она на работе, то позвони мне, как приедешь в офис. Хорошо?

Я какое-то время задумчиво смотрю в заострившиеся черты лица Фей, пытаюсь сложить два плюс два из разрозненного хаоса мыслей и предположений.

– Теперь я понимаю, откуда растут ноги у женской интуиции в отношении других женщин, – насмешливо ухмыляюсь я. Черт побери, кто бы мог подумать, что я пригрел змею, не умеющую держать язык за зубами. – Что она тебе натрепала, эта безмозглая псевдосвятоша?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.